

РЕЦЕНЗИИ

О. С. Ахманова.¹ Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957. 295 стр.

Вопросы лексикологии в настоящее время вызывают огромный интерес, а поэтому нельзя не приветствовать появление книги О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии», в которой поставлены серьезные языковедческие проблемы. Книга написана человеком начитанным и думающим над вопросами лексикологии.

Главным героем лексикологии является слово. Поэтому в своей книге О. С. Ахманова в первую очередь выдвигает для решения следующие вопросы: что такое семантическая система слов, какова сфера употребления слов, каковы характер и своеобразие фразеологических единиц и их функций — и определяет место слова в системе других языковых единиц.

О. С. Ахманова излагает содержание различных теорий, делая тонкие замечания о вариациях взглядов ученых, утверждающих различие языка и речи. Из всего многообразия вариаций во взглядах на язык О. С. Ахмановой верно выделены две основные точки зрения: «Эти две основные концепции в общем соответствуют тому, что известно (в зарубежной лингвистике. — Е. Г.-Ф.) под названием „экспрессионизма“ и „функционализма“» (стр. 9). Приветствуя стремление О. С. Ахмановой дать широкие сведения о состоянии лексикологических проблем в зарубежной литературе, приходится сожалеть, что эта интересная часть книги далеко не свободна от недостатков, неточностей и противоречий.

Весьма серьезным недостатком книги является трудность языка, перенасыщенного иностранными терминами и выражениями. Только на двух страницах (20 и 22) употреблены, например, такие слова, как *интенция*, *интерполяция*, *экстерналии*, *медиационные фазы*. Позволю себе процитировать соответствующие места. «Новая наука психоллингвистика выделяет из этой широкой (и недостаточно определенной) области исследование тех процессов, при помощи которых: 1) интенции („намерения“) говорящих преобразуются в сигналы данного „кода“, 2) сигналы данного кода подвергаются обратному преобразованию в интерпретации слушающих при смысловом восприятии» (стр. 20). И дальше: «Бихейвиористы как среди психологов, так и среди лингвистов, не допускающие интерполяции медиационных фаз в свои определения поведения, оказываются вынужденными допускать только

„экстерналии“ в своих определениях значения» (стр. 22). Понимая неизбежность общепринятых научных терминов, мы полагаем, что так уснащать малоупотребительными словами хотя бы и научную речь вряд ли оправдано¹.

Не вполне четко дано изложение взглядов зарубежных ученых. Автор книги разбирает десятки работ, но фрагментарно, цитируя отдельные выхваченные мысли, что не может дать ясного представления о той или иной концепции ученого. Почему-то мало отведено места высказываниям о языке и речи таких русских ученых, как И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.

Не вполне убедительно дано сравнение системы взглядов Ф. де Соссюра и В. Гумбольдта. О. С. Ахманова думает, что «внимание к „внеязыковой реальности“ выгодно отличает лингвистическую теорию де Соссюра от отвлеченных философских построений фон Гумбольдта» (стр. 18). По ее мнению, не следует считать позицию де Соссюра последовательно идеалистической, так как учение де Соссюра оставляет известную перспективу для тех, кто допускает воздействие объективной действительности на формирование языкового значения, тогда как неогумбольдтианство принципиально отрицает возможность такого воздействия (стр. 18). Но О. С. Ахманова не указывает, какие же анализы языковых фактов у де Соссюра свидетельствуют об этом. Вместо этого она для доказательства берет эволюцию взглядов Фр. Слотти и данные психологии по анализу явлений речи и языка. Но ведь трудно представить, что работы Слотти «*Wortart und Wortsinn*»² и «*Die Termini „Nennwert“ und „Deutewert“ in „Sprache“ und „Rede“*»³ будут читаться всеми, кому придется читать книгу О. С. Ахмановой. Если уж брать доказательства из положений Слотти, то надо более подробно осветить эволюцию взглядов Слотти и причину этой эволюции.

Глава II первой части посвящена «Вопросу о значении в современном советском языкознании» (видимо, о значении слова?). О. С. Ахманова утверждает, что советские языковеды не сомневаются в том, что в

¹ «Усложнение самой формы словесного выражения ведет к сокрытию мысли, затрудняет доступ к ней» (Б. М. Теплов, Психологические взгляды Герцена, «Философские записки», т. V, М.—Л., 1950, стр. 133).

² TCLP, № 1, 1929.

³ IF, Bd. LXI, Hf. 2—3, 1954.

языке выражается значение. Спорно, по ее мнению, то, является ли значение слова понятием, воплощенным, выраженным в данных звуках, или же чем-то другим, особым, отличным от понятия, не совпадающим с ним (стр. 28). И О. С. Ахманова в § 2 второй главы пытается показать путь от понятия к значению слова. Она пишет: «Если... отойти от понятий, то значения языковых единиц вполне логично могут предстать как понятия, связанные с определенным звучанием, с определенной звуковой формой» (стр. 28). Но это и есть отождествление значения и понятия.

Исходя из того, что понятие — основное в слове, О. С. Ахманова выражает свое понимание этой логической категории. Определив мышление как высшую форму сознания, она рассматривает понятие в трехсторонней обусловленности, утверждая, что: 1) понятия отражают явления действительности, будучи извлеченными из бесконечного многообразия объективной действительности; 2) понятия связаны с звуковой стороной слова, что создает обратную зависимость мышления от языка; 3) понятия входят в систему логических категорий¹ (стр. 29).

В расширенном разъяснении трехсторонней обусловленности понятий имеются неточные формулировки: «Они (т. е. понятия. — Е. Г.-Ф.) основываются на познании действительности. При этом, являясь элементами мышления, они представляют общее, извлеченное из бесконечного многообразия объективной действительности» (стр. 29). Обычно понятие называют формой, а не единицей мышления. Понятие можно назвать элементом мысли, но не мышления. Понятия не извлекаются из бесконечного многообразия объективной действительности, а возникают в сознании человека при познании бесконечного многообразия объективной действительности.

Во втором пункте вряд ли можно принять безоговорочно положение, что мышление возникает через отражение действительности и видоизменяется в зависимости от системы внешних (звуковых и пр.) различий. Содержание мысли зависит от действительности (бытие определяет мышление), но вряд ли система фонетики или система грамматических категорий видоизменяет мышление.

В третьем пункте трехсторонней обусловленности О. С. Ахманова дает нарек на различие понятия и значения, но отсылает к стр. 43, где говорится о значении слова, но не о соотношении и различии значения и понятия.

В § 3 главы II О. С. Ахманова говорит о лексическом значении слова, стараясь определить соотношение реального звучания слова и того, что называют его психологическим образом или «звукопредставлением». О. С. Ахманова рассматривает сло-

во, учитывая: 1) объективную действительность, 2) отображение в сознании, 3) звучание, 4) отображение в сознании этого звучания. При таком подходе становится неясным соотношение значения слова и понятия. На наш взгляд, различие и единство этих категорий лучше представить так: понятие и значение слова связаны с действительностью! — понятие как отражающее явление действительности, а значение слова как содержание обозначаемого. При отражении в сознании предмет, вещь, явление понимается и одновременно обозначается, таким образом понятие воплощается в слово.

В главе III О. С. Ахманова ставит вопрос о том, что определяет «различия семантического строения языков и как эти различия связаны с мышлением» (стр. 36). Но, рассуждая о различиях семантического строя языков, О. С. Ахманова не останавливается на выяснении того, что такое представление, как связано представление с понятием и вербализуется ли представление или вербализуется только понятие. Понятия интернациональны, а представления? Общечеловечны они или индивидуальны? В данном случае позволю себе сослаться на прекрасную статью А. С. Ахманова, где он совершенно обоснованно утверждает: «...не всякое значение слова является понятием, так как слова, кроме выражения понятийного содержания, выполняют ряд других функций (экспрессивную, стилистическую и т. д.). И если нет слова без того или иного значения, то не исчерпывается же значение любого слова выражением понятия, иначе речь была бы неизмеримо беднее той, которой мы пользуемся как средством общения»². Из книги же О. С. Ахмановой трудно понять, как она разграничивает значение слова и понятие, заключенное в слове. Нам кажется, что из-за нечеткого определения значения слова и понятия формы языка и формы мышления отождествляются. Это можно доказать тем, что О. С. Ахманова разделяет точку зрения А. И. Смирницкого на значение слова³; на стр. 56 она приводит высказывание А. И. Смирницкого: «Оно есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из образований отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» (разрядка моя. — Е. Г.-Ф.).

¹ Мы сократили до минимума высказывание О. С. Ахмановой, сохранив его общий смысл.

² А. С. А х м а н о в, Логические формы и их выражение в языке, сб. «Мышление и язык», М., 1957, стр. 209.

³ См. А. И. С м и р н и ц к и й. Значение слова, ВЯ, 1955, № 2, стр. 84.

Слово обозначает то, что отражается, «понимается» сознанием. Если бы само слово непосредственно отражало предметы, явления, то не было бы многозначности слова, не могло бы быть и разных языков, не могли бы одни части речи переходить в другие, а значение слова было бы тождественно с понятием. Слово обозначает предмет и выражает понятие.

В главе IV ставится вопрос «Какая языковая единица является основной носительницей языкового значения». Сначала О. С. Ахманова говорит о главных объектах исследований структурализма: о фонеме, морфеме, конструкции. Она правильно указывает, что структурализм исклывает слово как предмет исследования. Совершенно убедительно критикует она давнее положение структурализма и приветствует появление новой отрасли науки — «психолингвистики» (см. § 2). В противовес выделяемым структуралистами фонемам, морфемам, конструкциям она предлагает сделать предметом изучения в речи слог, слово и предложение; затем спрашивает: в каком отношении находятся фонемы и морфемы с ними и с психологическими единицами? О. С. Ахманова сначала отсылает за ответом к психологии, но тут же делает странное заключение: «Однако психология не может на него ответить» (стр. 58 — 59). Подробное изложение вопроса о психологической реальности фонемы, не имеющего непосредственного отношения к лексикологии, вряд ли уместно в рецензируемой книге.

Автор книги поднимает интересный вопрос о понимании грамматического значения и о том, как оно включается в общую семантику слова. Понимание грамматического значения основывается на принятом в работах А. И. Смирницкого определении А. А. Шахматова (см. стр. 65): «Грамматическое значение... — это значение отношения, выраженные как несомненное, как дополняющее основное, как лишь сопровождающее основное или лексическое значение» (разрядка моя. — Е. Г. Ф.). Верно ли это? Лексическое значение слова органически сочетается с грамматическим значением. При наименовании предмета, качества действия слово сразу обладает грамматическими значениями, а не дополняется ими. Имени существительному присущи грамматические значения рода, числа, падежа. Глаголу — времени, наклонение. Поэтому грамматическое значение не сопутствующее, не добавочное, а органически присущее каждому слову.

В главе V рассматриваются «Способы определения значения» (видимо, слова). В § 1 говорится о том, что в работах американских лингвистов Л. Блумфилда, Д. Карола, Дж. Трейджера и др. не учитывается значение слова, хотя у Ч. Фриза «соотнесенность со „внеязыковым“ рядом входит в само определение языка» (стр. 74).

Рассказывает О. С. Ахманова и об определении значения слова по методу семантического поля. О. С. Ахманова в своей книге показывает принцип разграничения лекси-

ческих единиц по темам. Но такая разбивка слов грозит неполным охватом лексики. Могут пропускаться отдельные слова и отдельные поля, и не будет стабильности, вследствие чего получатся семантические поля разных веков, десятилетий, объединяющих состав слов произвольно. Поэтому у каждого человека будет субъективное количество полей и различные составы полей. О. С. Ахманова правильно указывает, что эта методика исследования за более чем 20 лет своего существования не дала существенных результатов.

Признавая познавательную ценность первой части книги, мы должны отметить некоторые противоречия в оценке работ западных лингвистов. Так, например, О. С. Ахманова делает правильные замечания о идеалистической основе взглядов Э. Сепира, Б. Уорфа и вдруг дает такое заключение: «Развивающееся в настоящее время в США сотрудничество лингвистов и психологов и этнографов... уже дало много ценных и интересных данных» (стр. 38), а ниже пишет, что «современное американское языкознание... не может в настоящее время противопоставить критикуемой им концепции какую-либо стройную и последовательную теорию. Это и не удивительно, поскольку философской основой их собственных изысканий является позитивизм и прагматизм» (стр. 43). Но что же тогда ценного в американском языкознании? «Основная ценность, — по ее мнению, — ... в их практическом духе, в стремлении к объективной научной проверке..., в борьбе с догматизмом» (стр. 43). Как это позитивизм и прагматизм могут бороться с догматизмом?

О. С. Ахманова полагает, что «лексикология не может оформиться как наука без помощи психологии и „социологии“» (стр. 85). Большое внимание уделяет О. С. Ахманова вопросу об определении значения слова в работах по лексикографии. Х. Касареса, В. Дорошевского, К. Горалка, Ф. Травничка и Л. В. Щербы. Основные положения лексикографов она суммирует таким образом: 1) все признают полисемию слов; 2) все авторы словарей слово в словаре представляют в системе значений, их оттенков и употреблений. Все различают прямое и переносное, общепотребительное и специальное, общее и второстепенное значение, отличая значение от употребления; 3) советскими лексикологами снято противопоставление актуального и этимологического значения; 4) различие кратких и полных словарей сказывается на объяснении значений; 5) считается необходимым отличать определение слова в филологическом и энциклопедическом словаре, в котором определяется вещь, а не слово (стр. 90—91); 6) «Основным принципом анализа лексического значения слова является характер соотношения с действительностью» (стр. 91).

Затем О. С. Ахманова дает краткие выводы, которые приводим здесь, еще несколько сократив их: 1) значение слов — это языковое значение (но ведь это тавтология?); 2) слова существуют только в речи, так как вне речи нет языка. Отношения язы-

ка и речи не могут быть приравнены к отношению «кода» и «сообщения». (Но в каком же соотношении стоит язык к речи?); 3) подходы к описанию слова, следует искать основное номинативное значение, которое «непосредственно направлено на предмет». (А не будет ли отрыва номинации от сигнификации?); 4) безусловным и непреложным фактом является различие семантического значения слов, но следует исходить из того, что значение слова есть отображение явлений действительности в сознании. (А чем же является понятие?); 5) лексическое и грамматическое значение органически едины или внутренне спаяны. (Но прежде говорилось иное? См. стр. 65 книги.)

По поводу этих выводов следует сказать, что безусловно верно одно: «без привлечения значения невозможен даже фonoлогический анализ, не говоря уже о морфологическом и синтаксическом» (стр. 94). Но нас смущает утверждение, что значение слова точно так же отражает явления действительности, как отражает и понятие явлений действительности в сознании. Значение слова — это вкладываемый в слово смысл, который устанавливается при соотносении звукового комплекса к факту действительности, реально существующему или мыслимому.

Сделанный в примечаниях к этой главе, как и к другим главам, обзор западноевропейской литературы по лексикологии с критическими замечаниями интересен и полезен.

Во второй части книги О. С. Ахманова излагает материал лексикологии. Однако понимание объема явлений лексикологии у О. С. Ахмановой очень своеобразно. Мы не найдем даже упоминания о предмете анализа. Какие категории включаются в лексикологию? Если мы сравним рецензируемую работу с «Лексикологией английского языка» А. И. Смирницкого, «Лексикологией немецкого языка» К. А. Левковской, а также с некоторыми работами по русскому языку, то мы увидим, как своеобразно понимает природу и объем лексикологии О. С. Ахманова. Очень многие лексикологические категории совсем не включаются в анализ. По некоторым вопросам лексикологии даются полупутные замечания. По некоторым категориям лексикологии представлен только материал без всякого анализа. Наибольшее внимание отводит автор книги вопросам семасиологии. Очень широко поставлен вопрос разграничения полисемии и омонимии. Омонимом О. С. Ахманова называет внешне совпадающие по звуковой оболочке два или более различных слова. Об омонимах О. С. Ахманова говорят, что омонимия является нарушением «закона знака» (стр. 109). «В одних языках омонимия возникает преимущественно в результате чисто фонетических процессов... В других — закономерны морфологические процессы... Последний тип омонимии является типичным для русского, как и для других славянских языков» (стр. 110).

О. С. Ахманова правильно подвергает критике мнение некоторых ученых, что основным критерием разграничения поли-

семии и омонимии должно быть наличие морфологической производительной дифференциации или синтаксического критерия. О. С. Ахманова намечает иной способ различения: «Полисемия — тождество слова при наличии у него двух или более отчетливо различных значений, омонимия — внешнее совпадение по звуковой оболочке двух или более различных слов» (стр. 104). Но такого признака мало, вследствие чего у самой О. С. Ахмановой и возникают недоумения. «Однако многие случаи и здесь остаются не вполне ясными, — говорит она и задает целый ряд вопросов: «Откуда видно, что, например, *добреть*... „становиться добрее“ и *добреть*... „толстеть, становиться упитаннее“ не утратили свойственных им ранее грамматических связей и что тождество слова здесь осталось непорухенным... Как следует трактовать такие случаи, как *сложить* „положить вместе“ и *сложить* „снять, положить куда-нибудь“. Почему *бюро* „учреждение“ и *бюро* „предмет мебели“ представляются омонимами, тогда как *стол* „отделение в учреждении“ и *стол* „предмет мебели“ выступают как разные значения одного и того же слова» (стр. 104 — 105).

Однако в разделе, посвященном омонимии, есть много интересного; например, хорошо показано возникновение омонимов из слов с уменьшительным суффиксом и десемантизация уменьшительности. Тем не менее и в этой части работы есть некоторые погрешности в объяснении слов: слово *ливер* определено как «кушанье» (стр. 135). *Ливер* — «продукт из печени легкого, сердца и селезенки убойных животных». Слово *патрон* определено как «пуля». *Патрон* — не пуля, а «соединение заряда и пули (или дроби), заключенных в гильзу с пистолетом». Не точно определено слово *реакция*. Совсем плохо объяснено слово *стопа* как «куча предметов». Надо добавить: «плоских предметов (тетрадей, книг), наложенных ровно один на другой». Не все предметы укладываются в стопу. В книге сказано: *угорь* — «прыщик». Не каждый прыщик есть угорь. *Угорь* — это «прыщик, возникший от закупорки поры в коже сальной пробкой».

Глава III второй части посвящена разграничению полисемии и омонимии в современном русском языке в глаголах. Природа приставочной омонимии прежде не разъяснялась при видовой корреляции. Такое объяснение омонимии разных приставок хорошо подано в § 5 этой же главы. Не вызывает сомнений и анализ омонимных явлений корневых морфем и префиксальных. Глава IV второй части посвящена разграничению полисемии и омонимии прилагательных в современном русском языке. В главе V рассматриваются основные случаи функциональной омонимии.

Третья часть посвящена вопросу лексико-фразеологического варьирования слова в словосочетании и анализу фразеологических единиц как пределу такого варьирования. В этой части О. С. Ахманова противопоставляет «нев्यраженную полисемию выраженной».

В основу различения фразеологических единиц и слова О. С. Ахманова кладет чисто формальный момент: раздельную оформленность соединения, полагая, что для выделения фразеологических единиц «критерий идиоматичности оказывается слишком общим и неопределенным» (стр. 168). «Неравенство значения целого сумме значения частей», на что указал В. В. Виноградов¹, как главная отличительная черта идиомы, по мнению О. С. Ахмановой, может быть присуще и сложному слову, и фразеологическому единству, и аналитическим формам.

Проследившая аргументацию О. С. Ахмановой о критерии идиоматичности в разграничении, видишь, что опять выступает тот же критерий «цельности» значения при раздельности структуры или, как выражается О. С. Ахманова, «цельность номинации» довлеет над структурной раздельностью. На основе такого взгляда надо считать сочетания *белая горячка*, *белые ночи* фразеологическими сочетаниями, а сочетание *белый гриб* этой цельностью не обладает, так как «образование фразеологических единиц происходит путем преобразования обычных свободных словосочетаний в сложные „эквиваленты слов“» (стр. 169 — 170).

Типы словосочетаний О. С. Ахманова делит на именные и глагольные. К именным она относит: 1) составные названия типа *серная кислота* и 2) описательные, в которых определение подчеркивает какой-то дополнительный признак: *вяжущая бедна*. Ко второй группе словосочетаний автор относит образные выражения *ахиллесова пята*, *третий калач* и др. (стр. 172 — 173). Идея разграничения ограничивающих и описательных словосочетаний, на мой взгляд, плодотворна, а приведенный материал является ценным. Здесь же рассматриваются атрибутивные словосочетания распространенного типа, вроде *ассигнования на культурные нужды*, *забота о будущем* и др. (стр. 179); дается общая характеристика глагольных сочетаний с указанием синтаксической природы второго члена дополнения, а также анализируются обстоятельственные словосочетания.

В четвертой части книги говорится о фонетическом и морфологическом варьировании слова в противопоставлении синонимии как пределу такого варьирования. Напомнив, что в языкознании общепринятым является понятие синонимов как «слов, близких или совпадающих по значению, но различных по звучанию», автор, однако, такие пары, как *фелюга* и *фелюка*, *галоша* и *колоша*, *атак* и *эдак* или *монашка* и *монахиня*, которые различны по звучанию, а по значению тождественны, все же синонимами не считает. Думается, что указанные варианты слов и подобные им вряд ли

целесообразно рассматривать в лексикологии, потому что объяснение их звукового различия может дать лишь историческая фонология. Было бы лучше подвергнуть анализу такие пары, как *диетический* и *диететический*, *униженный* и *унижженный*, *аслуженный* и *заслуженный*.

В главе III О. С. Ахманова говорит о словообразовании вариантных слов. Мне представляется, что здесь в первую очередь следовало бы решить вопрос, являются ли отдельными словами такие ряды слов, как *дочь*, *дочка*, *дочурка*, или это стилистические формы одного слова. Не совсем точно различаются О. С. Ахмановой формы уменьшительности, ласкательности, экспрессивности. Автор ставит в один ряд пары слов: *дыра* — *дырка*, *середина* — *середка*, где *дырка* — уменьшительная форма от слова *дыра*, но *середина* не имеет уменьшительной формы *середка*. Слово *хорек* как профессиональное не имеет ни уменьшительности, ни ласкательности (стр. 217 — 219).

Слова *греча* и *гречиха* попали в группу вариантных слов, однако это разные слова: *греча* — крупа, а *гречиха* — растение (ср. *пшено* и *просо*). О. С. Ахманова приводит много вариантных пар слов, но не дает объяснения, почему же живут в языке варианты, например *рельс* и *рельса*, *клавиш* и *клавиша* (стр. 223). Не потому ли остается в языке та форма, у которой сохранились все парадигматические образования в системе надежных форм?

Следовало бы отметить, что вариантные формы прилагательных обладают различной способностью сочетаться с разными именами существительными, например: *лазоревый цеток*, но *лазурное небо*, *дифтерийная сыворотка* и *дифтеритная палочка*.

Пятая часть книги посвящена стилистической дифференциации слов. Нового в этой части мало. О. С. Ахманова сама отказывается анализировать стилистически нейтральную лексику в силу полной неисследованности вопроса (стр. 251). Среди же остальных, стилистически окрашенных слов О. С. Ахманова различает по сравнению с нейтральным слоем «сниженную» и «возвышающуюся» над ним группы. К стилистически сниженной группе слов она относит разговорную и более грубую, вульгарную. Я полагаю, что в списках этих групп многое смешано. Деление весьма субъективно. Вряд ли можно зачислять слова *гонор*, *кавераа*, *кагус*, *бедна*, *облагать* в разговорную группу, а *разом* в разговорно-просторечную. Слова *бескрайный* и *безболезненный* зачислены в повышенно-стилистическую группу без контекста.

Поэтическую лексику О. С. Ахманова считает также разновидностью возвышенной лексики. Мне кажется, что схема, представленная О. С. Ахмановой, не полная. В книге не нашли места профессиональная лексика, евфемистический пласт слов, диалектная лексика. Мало сказано о терминологии и детерминологизации. Разбивка слов на части речи ведет к повторению некоторых теоретических положений. Главы V, VI, VII занимают по одной странице.

¹ Правда, в несколько иной формулировке, смысл которой все же идентичен указанному выражению: «Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов» («Русский язык», М. — Л., 1947, стр. 23).

Их, конечно, нельзя назвать главами, фактически они являются фрагментарными заметками по поводу названных в них категорий.

Итак, эрудиция автора в вопросах общей лексикологии не вызывает сомнений. Но по русской лексикологии охвачен не весь материал, данное разграничение лексических групп нельзя признать удовлетворительным. О. С. Ахманова дает списки слов без текста, а именно текст часто играет определяющую роль в выявлении значения

слов. Если книга будет переиздаваться, то вторая часть потребует серьезной переработки. Но в общем книга, несомненно, заслуживает внимания и весьма поучительна. В книге много свежего материала, особенно в ее первой части, свидетельствующей о широте взглядов автора, о его глубокой эрудиции, об умении оперировать материалом, давать правильные анализы и делать самостоятельные выводы.

Е. М. Галкина-Федорук

А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. — М., Изд-во АН СССР, 1958. 196 стр.

Книга А. А. Юлдашева представляет собой монографию о башкирском глаголе, содержащую все сведения, касающиеся анализа как самих глагольных корней с точки зрения их структуры, с одной стороны, и семантики — с другой, так и всей системы словообразования и словоизменения башкирского глагола. Базируясь на ранее проведенных исследованиях, автор внес некоторые новые идеи, новые методические приемы исследования и главным образом новый, хорошо интерпретированный материал, углубляющий и уточняющий учение о глаголе в башкирском и вообще в тюркских языках.

В соответствии с целями исследования, изложенными в «Предисловии» (стр. 3 — 4) и «Введении» (стр. 5 — 15), книга делится на две части: ч. 1 — «Система словообразования» (стр. 17 — 112) и ч. 2 — «Система спряжения» (стр. 113 — 187).

Много интересного и нового как в отношении материала, так и его использования читатель найдет в главе, посвященной характеристике строения глагольных корней и их семантики (стр. 19 — 46). Некоторые новые сведения имеются в этой главе и относительно древних способов словообразования глаголов в тюркских языках и, в частности, относительно способов дифференциации корней путем внутренней флексии, путем использования палатализации и опереднения гласных основы, путем использования редукции конечных и начальных звуков корня и проч. Сведения из этой слабо изученной области древних способов словообразования в тюркских языках представляют значительный интерес для изучения исторического развития как башкирского языка, так и других тюркских языков.

Свое дальнейшее развитие в книге А. А. Юлдашева получило исследование вопросов семасиологии тюркского глагола вообще и семантики глагольного корня в частности (стр. 37 — 46).

Значительной заслугой автора рецензируемой монографии является разработка вопросов, связанных с анализом составных (или так называемых апалитических) основ глагола, образовавшихся путем словосложения [см. стр. 54 — 63 в гл. «Словообра-

зование глаголов от других частей речи» (стр. 47 — 63)]. Исследование составных и сложных тюркских глаголов и вообще вопросов словосложения как одного из основных способов словообразования началось по существу только в самое последнее время, и поэтому каждая работа, касающаяся в той или иной степени этих вопросов, дает новые сведения для разработки проблемы словосложения. Значительный и интересный в этом отношении материал представлен и в настоящей книге, хотя, как мы увидим ниже, в разрешении некоторых деталей этой проблемы нельзя согласиться с автором. Новую постановку вопроса можно найти также в главах, посвященных так называемому внутривглагольному грамматическому словообразованию — категориям вида и залога (стр. 64 — 69, 70 — 80, 81 — 86, 87 — 104, 105 — 112).

Наиболее ценной частью книги является вторая ее часть, где автор приложил много усилий в отношении уточнения значений различных спрягаемых форм башкирского глагола. Система спряжения башкирского глагола, за некоторыми исключениями, о которых мы скажем ниже, анализирована автором весьма полно и наиболее удачно.

Суммируя перечисленные положительные стороны данной работы, можно сделать общий вывод о том, что перед нами вполне зрелое лингвистическое исследование, представленное вполне подготовленным филологом-языковедом, хорошо ориентировавшимся в материале родного ему башкирского языка и в специальной литературе.

Одним из существенных недостатков в работе А. А. Юлдашева является отсутствие в ней установленных критериев, определяющих границы между словообразованием и словоизменением. Уже само название книги «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» требует прежде всего строгого определения точных критериев для установления этих границ. Композиция книги с ее делением на две части (система словообразования и спряжения глагола) позволяет предполагать, что все категории, перечисленные автором в первой части, относятся к словообразовательным. Однако, как это видно из слов самого автора, основные словообразовательные глагольные категории вида и залога он считает и словообразовательными, и словоизменительными.

Так, в отношении видовых форм башкир-